

АВТОБИОГРАФИЯ Ю. К. ЛЮБЛИНСКОГО

Публикация Н. П. Чулкова*

ПАМІЕТНИК г. 1829 д. 12 ЛІРСА

Julian syn Kaźmierza Motosznowicz, nazwany Lublińskim, od wsi Lublińca, przez przodków Swoich posiadanej, leżacej nad Rzeką Bugiem, oddzielającym Wołyń od Małej-Polski, rodził się na Wołyniu r. 1798. d. 6. Listopada. Po stracie Ojca, Matka Wdowa oddała do Szkół Międzyrzecza Koneckiego r. 1803. Tam pod dozorem Xięży Pijarów do r. 1809 zostawał. W tak młodym wieku przeszedłszy Szkoły Powiatowe, nie doświadczony czas długi bez istotnego zatrudnienia przepędził: dopiero w roku 1817 w czasie przemiany Rządu Gubernii Wołyńskiej, za powodem Senatora Siwersa, został wybrany przez Obywateli Powiatu Nowogrod-Wołyńskiego Zasadatelem Sadu Niżnego. Lecz gdy chęć Nauk odwodziła od dalszego sprawowania Posługi Obywatelskiej, w tym celu udał się do Lyceum Krzemienieckiego, gdzie rok jeden słuchał dawanych tam przedmiotów Po skończeniu roku Opiekun Wileńskiego Uniwersytetu życząc Sobie, aby się zatrudnił sprawami piśmiennymi tegoż Uniwersytetu i jego wydziału, niemógł Julian Lubliński odmówić, zwłaszcza, że dla ułatwienia tych spraw potrzeba było tylko kilka miesięcy. Zawsze bowiem miał to na Widoku ażeby sprawami krajowemi zatrudniony, niezabierał sobie drogiego czasu, który na Nauki poświęcił. Wszakże wkrótce miał do tego p przychylna porę: nie zaniechał udać się do Uniwersytetu Warszawskiego, tam przez rok 1819 w pożądanem zajęciu się nie miał przeszkody. Aż w roku 1820, gdy uczniowie Warszawscy, w których on znajdował się liczbie, zamierzając zbliżyć się do siebie i mieć ścisłejsze stosunki, zbierali się na przeznaczone miejsce dla udzielania wzajemnego, wiadomości Naukowych. Gdy Młodzi neprzystając tak chwalebne postanowieniem swojemu, któremu Rząd tameczny przeciwieć się nie chciał, uwiedzeni wspomnianiem dla siebie przyjemnem, acz nie zgadzającym się z czasem, obchodzili Konstytucją 3 Maja, tedy Rząd, widząc zdradzone zaufanie swoje, jednych wysłał z Warszawy, drugim wyjechać kazał, innym napomnienia przez Zwierzchność Szkolną dawszy, pozwolił kończyć Nauki. W liczbie tych i Julian Lubliński był pomieszczony.

Kalinowski, jeden z Uczniów, którym kazano wyjechać z Warszawy, udał się do Krakowa. Ztamąd jakoby wysłany został od obywateli Krakowskich do Stanów Włoskich (które, jak wiadomo, w r. 1820 powstały) dla oświadczenia radości, że szczęśliwie zamiary swoje do skutku przywiodły. Lecz wkrótce, bo w r. 1821, Włochy do dawnego porządku przywrócone, gdy przy sądeniu Osób, którzy byli przyczyną powstania, Zwierzchność, mająca największy wpływ w Rządzie Królestwa Polskiego dowiedziała się, że pomieniony Kalinowski powrócił nazad do granic Polskich, rozkazała go śledzić i poymać. Lecz Kalinowski, kryjący się, kilkakrotnie łapany, pomimo

* Редакция внесла ряд уточнений и дополнений в работу покойного Н. П. Чулкова.

wszelkich sledzeń uszedł. Julian Lubliński miał ścisłą znajomość i przyjaźń z Kalinowskim, nadto odbierał od niego częste pisma. Z tego względu Zwierzchność wyżej pomieniona czyniła jemu zapytania, więziła i nakoniec, gdy w niczem obwinić nie mogła, wysłała go w r. 1822 w pętach do Miasta Nowogrod-Wołyńska, aby tam pod dozorem Policij zostawał i ztamtąd nigdzie nie wyjeżdżał.

W Mieście tem kwaterowała 8a Artylleryjska Brygada, której Officerowie Andrzej i Piotr Borysowie, będąc już znajomi z Krewnemi Juliana Lublińskiego, łatwo się i z nim zaznajomili. Trzeba wiedzieć, że ci Borysowie z kilku innymi dawniey byli w Towarzystwie pod nazwiskiem Друзей природы i ufając pomienionemu Lublińskiemu, życzyli sobie, żeby do ich Towarzystwa należał. Lubliński przejrawszy prawidła, przekładał Borysowym zatrudnienia, jakie się zdawały w zaprowadzonym przez nich Towarzystwie. Borysowie zrażeni obojętnością, którą im Lubliński okazywał, zgodzili się na przemianę, jakąby potrzebną upatrywał. Lubliński mniemając, iż na uchyleniu nienawiści, jaką tchną ku sobie Rosssyanie i Polacy wiele zależy, podał swoje myśli, które przyjęte były powodem zachęcenia wielu Osób do wstąpienia w Towarzystwo Słowian i do połączenia się onych z Towarzystwem Rosyjskiem nazwaném południowem. Później wzięty do Peterzburgu, sądzony, na trzy lata do robót ciężkich skazany, a potem na poselenie.

Перевод:

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 1829 г. ИЮЛЯ 12 ДНЯ

Юлиан Казимирович Мотошнович, прозванный Люблинским по селу Люблинец, находившемуся во владении его предков и расположенному на берегу реки Буг, которая отделяет Волынь от Малой Польши, родился на Волыни 6 ноября 1798 г. После смерти отца мать отдала его в 1803 г. в училище в Межречье Корецком. Он оставался там под наблюдением ксендзов пияров до 1809 г. Окончив в таком юном возрасте уездное училище и не имея опыта, он долгое время провел без настоящего дела и только в 1817 г., во время смены управления Волынской губернии по случаю ревизии сенатора Сиверса, был выбран жителями Новград-Волынского уезда в заседатели нижнего земского суда. Однако стремление к научным занятиям отвлекло его от дальнейшей службы по выборам, и он поступил с этой целью в Кременецкий лицей, где в течение одного года изучал преподаваемые там предметы. По окончании учебного года попечитель Виленского университета выразил желание, чтобы Люблинский занялся приведением в порядок делопроизводства этого университета и его факультетов. Юлиан Люблинский не мог отказаться тем более, что для выполнения этой работы достаточно было нескольких месяцев; при этом он всегда имел в виду, чтоб служебные занятия не отнимали у него дорогого времени, которое он мог посвятить науке. Вскоре ему представился благоприятный случай заняться наукой, и он не замедлил поступить в Варшавский университет; там в течение 1819 г. ничто не препятствовало его занятиям. Но в 1820 г. варшавские студенты, в числе которых он находился, решили сблизиться друг с другом и установить между собой более тесные отношения; они стали собираться в назначенном месте для взаимного обмена научными сообщениями. Когда молодежь, не прекращая следовать такому своему похвальному решению, которому не препятствовали и тогдашние власти, увлеклась приятным для нее, но не отвечающим духу времени воспоминанием и отметила день конституции 3 мая, власти, видя свое доверие обманутым, одних выслали из Варшавы, другим велели уехать, а третьим, сделав выговор через университетское начальство, разрешили кончить курс. В числе последних был и Юлиан Люблинский.

Калиновский, один из тех студентов, которые получили приказание выехать из Варшавы, отправился в Краков, а оттуда якобы был послан гражданами Кракова передать итальянскому парламенту (который, как известно, был создан в 1820 г.) чувство радости по поводу того, что итальянцы счастливо достигли осуществления своих целей. Но вскоре, в 1821 г., в Италии был восстановлен старый порядок; во время суда над зачинщиками восстания начальствующие лица, имевшие наибольшее влияние в управлении Царства Польского, узнали, что упомянутый выше Калиновский возвратился обратно в пределы Польши, и отдали приказ выследить его и поймать. Но Калиновский, несмотря на неоднократные преследования и розыски, скрылся и бежал. Юлиан Люблинский, близко знавший Калиновского и находившийся с ним в дружеских отношениях, часто получал от него письма. В связи с этим вышеупомянутые правящие лица učinили Люблинскому допрос, посадили его в тюрьму и, в конце концов, когда ни в чем не смогли обвинить, выслали его в 1822 г. в кандалах в Новград-Волыньск с тем, чтобы он там оставался под надзором полиции и никуда оттуда не выезжал.

В этом городе была размещена 8-я артиллерийская бригада, офицеры которой, Андрей и Петр Борисовы, зная уже родственников Юлиана Люблинского, легко с ним познакомились. Надо сказать, что эти Борисовы с несколькими другими были издавна членами Общества, называвшегося «Друзья природы»; доверяя Люблинскому, они пожелали, чтобы и он вступил в их Общество. Люблинский, ознакомившись с уставом, указал Борисовым на те трудности, которые имели место в основанном ими Обществе. Борисовы, неприятно удивленные холодностью, проявленной Люблинским, согласились на изменения, которые он считал необходимыми. Люблинский, полагая, что многое зависит от уничтожения ненависти, которую питают друг к другу русские и поляки, изложил свои мысли об этом; они были приняты и способствовали вступлению многих лиц в Общество славян и присоединению их к русскому Обществу, называвшемуся Южным. Позднее Люблинский был увезен в Петербург, привлечен к суду и приговорен к трем годам каторжных работ с последующим поселением.

Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 852.

* * *

Юлиан Люблинский, один из основателей Общества Соединенных Славян, принадлежит к числу тех декабристов, о которых сохранилось очень мало сведений. Известно, что до того, как он вступил в русское Тайное общество, он был уже членом какого-то польского тайного общества. И. И. Горбачевский сообщает, что в 1823 г. Люблинский в кандалах был привезен из Варшавы к себе на родину, в Новград-Волыньск, и отдан под надзор полиции за участие в польском тайном обществе¹, но в каком именно — Горбачевский не указывает. В статье «Польские общества 20-х годов и декабристы» Н. И. Коробка говорит: «Загадочным остается отношение к польскому движению поляка Люблинского, одного из основателей „Общества Соединенных Славян“. Никаких данных, указывающих на связь его с польским движением, нет, но идея, которую он вносит в Общество, родственна идее ложи „соединенных славян“, созданной польскими масонами»². М. В. Нечкина высказала предположение, что Люблинский был членом Патриотического общества: «...не находился ли в числе захваченных членов этого общества Юлиан Казимирович Люблинский?»³.

В Сибири Люблинский написал записки. В 1862 г. Герцен назвал их среди других записок декабристов, которые он намерен был издать⁴. В книге Б. Г. Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири» находим сообщение дочери Люблинского, что записки ее отца были похищены у него вместе с чемоданом, когда он ехал из Сибири на Волынь,

в Славуту⁵. Таким образом, не вызывает сомнений, что записки действительно существовали; а раз еще при жизни Люблинского Герцен держал их в руках, то, очевидно, существовала и копия, но она тоже исчезла бесследно.

Публикуемая нами краткая автобиография Люблинского сохранилась в архиве потомков декабриста Якушкина. Это — четыре страницы почтовой бумаги большого формата. Сравнение почерка с автографом Люблинского, опубликованным в пятом томе «Восстания декабристов», не оставляет сомнений, что автобиография написана рукою Люблинского. Как попала она в архив Якушкиных, неизвестно. Вероятно, она была передана Е. И. Якушкину, сыну декабриста, кем-нибудь из декабристов или близких к ним лиц, подобно архиву другого основателя Общества Соединенных Славян — П. И. Борисова. Быть может, автобиография Люблинского была получена Е. И. Якушкиным от отца.

Автобиография (написанная по-польски в третьем лице) датирована 12 июля 1829 г. Люблинский был доставлен на каторгу в Нерчинские рудники 4 апреля 1827 г., срок работ окончился для него летом 1829 г., и 30 июля он был поселен в Тупкинской крепости. Следовательно, автобиография написана была, по всей вероятности, в Нерчинске, незадолго до освобождения Люблинского, но для кого и с какой целью — неизвестно.

Сведения, которые Люблинский дает об Обществе Соединенных Славян, очень кратки и не прибавляют ничего существенного к тому, что нам известно из других источников и прежде всего из показаний самого Люблинского. Из его рассказов на следствии и в автобиографии явствует, что к предложению братьев Борисовых вступить в их Общество он сначала отнесся отрицательно. Выслушав Борисовых, Люблинский ответил, что организация задуманного ими Общества связана с большими трудностями. Борисовы предложили ему указать, какие изменения в их проекте он считает необходимыми. Тогда-то Люблинский и предложил основать Общество Соединенных Славян для сближения русского и польского народов.

Таким образом, для изучения вопроса об организации Общества автобиография не дает, сравнительно с материалами следствия, ничего нового.

Иначе обстоит дело с показаниями Люблинского о других периодах его жизни. Автобиография подтверждает догадки исследователей об участии Люблинского в польских тайных обществах. Однако вместо точного ответа на интересующий историка вопрос она вносит новые недоумения и ставит на очередь новые вопросы, искать разрешения которых можно только в польских архивах.

Находясь под следствием, Люблинский скрыл не только свое участие в польском тайном обществе, но и вообще все свое прошлое. Каких-нибудь три года назад он был арестован и привезен из Варшавы в Новград-Волынский, тем не менее он считал возможным утаить этот факт от Следственного комитета. Так и остался неизвестным Комитету целый период жизни Люблинского — 1817—1822 годы. На допросе, učinенном ему В. В. Левашовым, Люблинский дал такие показания: «В Польше и Литве Общества не знал и не подозревал существование оного». Во время дальнейшего следствия Люблинский утверждал: «Никакого известия о польских обществах, существующих в Германии, Франции и Италии, не имел и никакого сведения о сношениях польских обществ с Южным не имел тоже». Когда Люблинского спросили, где он учился, он умолчал о том, что учился в Кременецком лицее и в Варшавском университете, отнеся предложенный ему Комитетом вопрос к одному только начальному воспитанию. (В другом показании он повторил: «Начальное мое воспитание было в училищах Межерецких у ксендзов пияров».) На вопрос о службе он ответил, что «в государственной службе не находился»⁶.

В автобиографии Люблинский дает ценные сведения о многих сторонах своей жизни. Оказывается, в 1817 г., после смены начальствующих лиц Волынской губернии, совершившейся вслед за ревизией сенатора Сиверса⁷, Люблинский был избран в заседатели Новград-Волынского нижнего земского суда. Между прочим в адрес-календаре на 1818 г.⁸ в должности заседателя земского суда показан коллежский регистратор Люблинский, но, к сожалению, без упоминания имени и отчества, что существенно, так как у Юлиана Люблинского был брат Селестин. Селестин Люблинский

умер до 1826 г. в чине губернского секретаря⁹, место службы его неизвестно, однако и он мог служить по выборам дворянства. Упоминание в календаре при фамилии Люблинского классного чина, который в деле показан не был (в деле Люблинский именуется просто дворянином), дает право предположить, что для получения чина он сдавал экзамен. Люблинский не только служил по выборам дворянства, но и образование получил значительно более широкое, чем то, о котором он считал возможным сообщить на следствии. Стремление к научным занятиям заставило его отказаться от службы в суде и поступить в Кременецкий лицей. Этот лицей пользовался тогда в Польше большой известностью; там преподавались математика, а также науки словесные и юридические. В Кременце Люблинский пробыл только год. На него обратил внимание попечитель Виленского учебного округа и университета князь Адам Чарторыйский и предложил ему привести в порядок канцелярское делопроизводство Виленского университета. Люблинский принял предложение Чарторыйского, продолжая в то же время научные занятия. В 1819 г. он поступил в Варшавский университет (основанный в 1816 г.), а в 1820 г. стал членом студенческого кружка, преследовавшего, по его словам, чисто академические цели. Какое-то событие, связанное с воспоминаниями о конституции 3 мая 1791 г., погубило кружок: одни его члены были исключены из университета и высланы из Варшавы, другие — получили выговор, но им было разрешено остаться в университете и закончить образование. В числе оставленных был и Люблинский. Однако закончить образование ему не пришлось.

Люблинский был дружен со студентом Калиновским, попавшим, по его словам, в число тех, кто был исключен, и уехавшим в Краков (тогда вольный город). Переписка Калиновского с Люблинским заставила начальство обратить внимание на Люблинского: он был арестован и заключен в тюрьму. Никакого обвинения предъявить ему не могли, и в 1822 г. (а не в 1823) выслали на родину в Новград-Вольнык под надзор полиции с запрещением оттуда выезжать.

Необходимо разобраться в показаниях Люблинского о студенческих годах его жизни и об участии в студенческих организациях. Люблинский говорит, что он был членом студенческого кружка, который существовал легально и ставил перед собой одни только научные цели. Кружок был ликвидирован из-за пропаганды студентами конституции 3 мая. Что же это был за кружок?

Существующая литература дает сведения о нескольких польских тайных кружках, предшествовавших созданию «Патриотического общества»¹⁰. Так, в Варшавском университете с конца 1817 г. и до 15 июля 1819 г., в соответствии с университетским уставом, существовали студенческие союзы, целью которых было совместное изучение наук и организация взаимопомощи («Союз друзей», «Общество почитателей наук», «Литературное общество», «Союз любителей народности», «Союз студентов Варшавского университета» и др.). 15 июля 1819 г. царским правительством были запрещены все существовавшие кружки, запрещено было и открывать их впредь. Таким образом, Люблинский, поступивший в университет в 1819 г. (надо полагать, осенью), не застал ни одного легального студенческого кружка.

В начале 1820 г. студенты Виктор Хельтман и Л. Пионткевич основали тайное общество «Союз вольных поляков» (*Związek wolnych polaków*). Союз издавал собственную политическую газету «*Dekada polska*», которая выходила с января 1821 г. до мая. В мае 1821 г. Союз вынужден был прекратить свое существование по следующей причине: Хельтман и Пионткевич решили выпустить в виде приложения к своей газете (открыто продававшейся в розничной продаже) текст конституции 3 мая 1791 г. Ректор университета, узнав об этом, сделал 2 мая доклад прокурору, а прокурор сообщил полиции, которая и приняла меры против распространения листка. Поступок студентов вызвал сильнейший гнев цесаревича Константина Павловича: в попытке пропагандировать конституцию 3 мая он увидел проявление революционного духа. Издатели были арестованы. Хельтман был заключен в тюрьму, а потом, по высочайшему повелению от 30 мая 1821 г., как литовский уроженец, отослан в Литовский корпус и зачислен канониром в 24-ю артиллерийскую бригаду. Пионткевича, еще несовершеннолетнего, пытались завербовать в шпионы, когда же это не удалось, доставили 10 июля на галицийскую границу и выслали из Польши.

Существование Союза обнаружено не было, но, лишившись своих руководителей, Союз распался сам собой.

Люблинский рассказывает, что он участвовал в студенческом кружке, который прекратил существование из-за попытки озаглавить годовщину конституции 3 мая. Такая участь постигла «Союз вольных поляков». Можно сделать предположение, что Люблинский принадлежал именно к этому Союзу. Такое же мнение высказал и автор новейшей работы о декабристах и Польше — Баумгартен¹¹.

Однако факты, сообщаемые Люблинским, нуждаются в критической проверке: попытка издания текста конституции 3 мая повлекла за собой кары только для основателей Союза, уничтожила и самый Союз, но его члены остались неизвестны правительству и не были наказаны; разгром студенческих организаций действительно произошел около этого времени, но по другому поводу. Характеристика Союза, сделанная Люблинским, тоже не соответствует действительности: ее можно применить и к легальным кружкам, существовавшим до 1820 г., а не только к «Союзу вольных поляков».

Что же представлял собой на самом деле «Союз вольных поляков», к которому, по всей вероятности, принадлежал Люблинский? Каков был социальный состав Союза?

Задачу свою Союз видел в борьбе за политическую свободу, в борьбе против тирании и деспотизма; целью его было восстановление независимой Польши, ее объединение. Такую цель называли в своих показаниях арестованные члены Союза: каждый член Союза должен носить в сердце своем Речь Посполитую. Увлечение конституцией 3 мая 1791 г. характерно для политических целей Союза: конституция 3 мая оставляла за шляхтой все права и привилегии, она мало изменяла положение мещанства и не улучшала участи крепостных крестьян. Но для своего времени она все же была прогрессивной, открывая уничтожением *liberum veto** путь к дальнейшим реформам государственного строя Польши, и потому пользовалась симпатией либеральной части польского общества. Характеризует настроения Союза и то обстоятельство, что его основатель, Хельтман, после 1831 г. стал одним из вождей демократической части польской эмиграции и противником Чарторыйского.

Внешние формы Союза были заимствованы у масонов. Во главе стоял капитул под председательством Пионткевича, носившего звание великого магистра. Учреждены были три ложи: имени Костюшки, Коллонтая и Рейтана; каждая ложа выбирала своих представителей в капитул. Обряд приема новых членов был обставлен мистическим ритуалом (черепа, стилеты, горящие пламя) и сопровождался пением гимна; принимаемый принюхивал присягу. При встрече друг с другом члены делали символические знаки пальцами, изображая соединенную Польшу, и произносили лозунги: «Всё и ничего», «Отчизна и смерть». Известно сорок членов Союза, значительную часть которых составляли студенты университета. Если судить о составе Союза по фамилиям членов и по немногим данным, которые сообщает Аскенази об их происхождении, то следует сделать вывод, что члены Союза вербовались из представителей средней и мелкой шляхты и интеллигенции. Пионткевич был сыном арендатора, но среди членов Союза и предшествовавшего ему кружка мы встречаем и представителей аристократии.

Члены Союза обязывались соблюдать строжайшим образом тайну его существования; за нарушение тайны полагалась смерть. Когда после 3 мая 1821 г. были арестованы Хельтман и Пионткевич, оставшиеся на свободе члены организации постарались уничтожить все документы, и Союз действительно не был обнаружен. Люблинский, как член Союза, строго соблюдал клятву, данную им при приеме, и не открыл тайны ни в 1821 г., после своего ареста, ни в 1826 г., на следствии по делу декабристов, ни в 1829 г., когда писал автобиографию. Это умолчание свидетельствует об антиправительственном характере Союза, подлежащем сокрытию.

Как уже сказано выше, порядок событий в автобиографии не соответствует действительному ходу вещей. Люблинский рассказывает, что попытка издания конституции 3 мая 1791 г. вызвала разгром студенческих организаций, наказание студентов и отъезд Калиновского в Краков. Из Кракова Калиновский отправился в Неаполь,

* Право каждого из членов польского сейма своим единоличным протестом уничтожить постановления сейма (лат.).

а после восстановления в Италии старого режима возвратился к границам Польши и тут подвергся преследованиям со стороны полиции. Люблинский был арестован за сношения с Калиновским, заключен в тюрьму и выслан в 1822 г. на родину, под надзор полиции. В действительности же ход событий был иной: 15 июля 1819 г., после попытки студентов Варшавского университета образовать свой Союз, были запрещены легальные студенческие организации; в начале 1820 г. возник тайный «Союз вольных поляков», а в начале 1821 г. член его, Калиновский, отправился с Ф. Келлером и другими студентами, исключенными из университета, в Краков, чтобы образовать там местный отдел польского студенческого Союза. Издание листовки с текстом конституции 3 мая 1791 г. ко дню годовщины конституции в 1821 г. вызвало арест основателей Союза, Хельтмана и Пионткевича, и прекращение деятельности Союза, оставшегося, однако, неизвестным правительству, а поездка краковских студентов в Варшаву в июле 1821 г. повлекла за собой повсеместные аресты польских студентов, преследование Калиновского и арест Люблинского (возможно, впрочем, что последние два обстоятельства были вызваны поездкой Калиновского в Неаполь). Существование «Союза вольных поляков» было обнаружено уже после высылки Люблинского на родину. Таким образом, Люблинский все события, происшедшие до 3 мая 1821 г., относит к более позднему времени. Это, конечно, простая ошибка памяти.

Калиновский был членом «Союза вольных поляков». Поездка его в Краков — факт, не вызывающий сомнения, но произошла эта поездка не после 3 мая 1821 г., как утверждает Люблинский, а гораздо раньше: в начале 1821 г. несколько исключенных из Варшавского университета студентов, членов «Союза вольных поляков», во главе с Келлером и Калиновским поехали в Краков, чтобы завязать сношения с тамошним студенчеством. По словам Люблинского, Калиновский из Кракова отправился в Неаполь в качестве представителя краковского населения. Никаких подробностей об этой поездке Люблинский не рассказывает, да и вообще не говорит об организационной работе Калиновского в Кракове. Возникают вопросы: каким образом краковское население избрало своим представителем Калиновского? Не был ли он послан краковским отделом студенческого Союза, который был им организован, в качестве представителя в Неаполь, в какую-нибудь карбонарскую организацию? Ответа на эти вопросы мы не получаем. Если то, что сообщает Люблинский, действительный факт, то он чрезвычайно важен: им устанавливаются сношения польских революционеров с итальянскими карбонариями. Люблинский ошибается лишь в том, что относит поездку Калиновского ко времени после 3 мая 1821 г. Если Калиновский действительно ездил в Неаполь, то его поездка должна была произойти до 24 марта 1821 г.: в это время австрийцы вступили в Неаполь и восстановили старый порядок. После 24 марта Калиновский оставаться в Неаполе не мог и должен был вернуться в Польшу (возможно, что и в Краков). По словам Люблинского, на суде над вожаками неаполитанской революции вскрылось участие Калиновского в неаполитанской революции. За Калиновским началась полицейская слежка, однако ему удалось бежать. Вполне возможно, что попытки арестовать Калиновского начались с того момента, когда он, возвратившись из Неаполя, намеревался проникнуть через польскую границу, и продолжались после того, как он создал краковскую тайную организацию студентов. Калиновский пробыл в сентябре того же года во Вроцлав, чтобы поступить в университет, и в октябре стал членом польской корпорации «Polonia». Угодливая готовность прусских властей исполнять все требования Новосильцева сделала пребывание Калиновского небезопасным и здесь; тогда он переехал в Познань, где и скрывался у разных лиц. Только в июне 1826 г. Калиновский вернулся в Варшаву и был взят властями, но по неизвестным причинам никакая кара его не постигла. Аскенази считает Калиновского провокатором и шпионом, однако это не находит подтверждения в других источниках. Во всяком случае в памяти Люблинского Калиновский остался революционером. Дальнейшая судьба Калиновского пока неизвестна.

Когда именно был арестован Люблинский по данному делу, тоже неизвестно. Сам он ставит свой арест в связь с поездкой Калиновского в Неаполь и перепиской с ним; значит, арест его мог произойти приблизительно в апреле или же после 15 июля 1821 г., когда шли общие аресты студентов.

Следствие по делу арестованных было закончено осенью, и приговор утвержден в декабре 1821 г. В начале 1822 г. дело было передано административному совету Царства Польского для исполнения приговора. Тогда же, вероятно, и был отправлен на родину Люблинский, попавший в число лиц, отданных под надзор полиции.

Летом 1822 г. возникло новое большое дело — о «Патриотическом обществе», основанном Валерианом Лукасинским, и о национальном масонстве.

«Патриотическое общество» было основано в начале мая 1821 г., то есть как раз в те дни, когда разыгралась история с опубликованием текста конституции 3 мая 1791 г. и фактически перестал существовать «Союз вольных поляков». Вслед за «Патриотическим обществом» власти обнаружили тайные общества в Литве, что совершенно неожиданно помогло раскрыть и «Союз вольных поляков»¹².

Дело о «Союзе вольных поляков» было поручено той же Комиссии, которая вела следствие по делу Лукасинского. Но в это время Люблинский в Варшаве уже не было. Потому ли, что роль его в Союзе была незначительна, потому ли, что никто из членов Союза не вспомнил о нем в своих показаниях, но к делу он привлечен не был.

Перейдем к выводам, которые можно сделать на основании изучения автобиографии Люблинского. Написана она в Сибири в июле 1829 г., перед тем, как Люблинский с каторги был отправлен на поселение. Она подтверждает некоторые факты его жизни, известные ранее, и пополняет наши сведения о нем новыми данными. Перед Следственным комитетом Люблинский скрыл свое прошлое: в 1817—1822 гг. он не жил в Новгороде-Волынске, а служил по выбору дворянства, учился в Кременецком лицее, работал в канцелярии Виленского университета, слушал лекции в Варшаве и состоял членом «Союза вольных поляков», тайного политического общества, которое он, ради конспирации, изобразил в автобиографии как легальный студенческий кружок. Верный своей клятве, Люблинский не выдал тайны Союза. Фактически «Союз вольных поляков» перестал существовать еще в 1821 г., но оставался неизвестным правительству до 1825 г., когда эту тайну открыл Хельтман. Люблинский пострадал раньше, чем существование Союза было раскрыто: его арестовали в 1821 г. за связь с Калиновским, который, по утверждению Люблинского, подвергся преследованиям правительства за сношения с неаполитанскими революционерами, а согласно гипотезе проф. Аскенази — за организацию краковского отдела польского студенческого союза.

В автобиографии Люблинский излагает события не в их действительной последовательности, а с ошибками в хронологии, что объясняется естественным для мемуариста запямятованием. Представляет большой интерес рассказ Люблинского о поездке Калиновского в Неаполь для установления связи с неаполитанскими революционерами. Этот рассказ пока другими свидетельствами не подтвержден, но если он соответствует истине — ценность его для истории революционного движения в Польше очень велика.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Горбачевский, стр. 369.¹

² Исторический сборник «О минувшем». 1906, стр. 221.

³ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М.—Л., 1927, стр. 92.

⁴ «Колокол», 1862, № 143. Здесь в статье «Записки декабристов» читаем: «Мы предполагаем издавать „Записки“ отдельными выпусками и начать с „Записок“ И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затем последуют „Записки“ князя Оболенского, Басаргина, Штейнгеля, Люблинского, Н. Вестужева» (Герцен, т. XV, стр. 463).

⁵ Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, стр. 205.

⁶ ВД, т. V, стр. 412, 414, 418, 419.

⁷ «Ревизия сенатора Ф. Ф. Сиверса» происходила в 1815—1816 гг. и была вызвана борьбой польских помещиков с русской администрацией в лице губернатора Комбулен. Борьба окончилась победой помещиков. Об этой ревизии см. показания современников в статье «Волынская революция». — «Киевская старина», 1883, т. I.

⁸ Месяцеслов с росписью чинов на 1818 год. СПб., 1818, стр. 517.

⁹ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 24.

¹⁰ Szymon Askęnazy. Lukasiński, t. I—II, 1908; M. Mochnacki. Dziela I—II. Posań, 1853; L. Baumgarten. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.

¹¹ Л. Baumgarten. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952, стр. 29.

¹² Szymon Askęnazy. Lukasiński, т. I, стр. 262—263, 386—387; т. II, стр. 11, 103, 187—214.